

ПЕВЕЦ ДМИТРИЙ ХВОРОСТОВСКИЙ «В РОССИИ СТАРАЮСЬ ПО УЛИЦАМ НЕ ХОДИТЬ»

27 ЯНВАРЯ 2012 АНДРЕЙ МОРОЗОВ

На следующей неделе в «Метрополитен-опера» (Нью-Йорк) состоится премьера оперы Верди «Эрнани», в которой партию Дона Карлоса исполнит российский певец Дмитрий ХВОРОСТОВСКИЙ. Незадолго до премьеры г-н Хворостовский дал интервью «Новым Известиям», в котором признался, что ему не нравятся протестные настроения в обществе, рассказал о том, что привлекло его в проекте Игоря Крутого и почему он не спелся быс Юрием Шевчуком.

– Дмитрий, судя по вашим интервью, вы человек аполитичный. Тем не менее вас как-то взволновали недавние события, связанные с итогами выборов?

– Я мало разбираюсь в этой ситуации. В принципе никогда не обращал большого внимания на действительность. Протестная тенденция, которая происходит сейчас во всем мире, мне явно не нравится. Протест не доводит и не доведет до добра. Это выбивает почву из-под ног любого стабильного государства, каким бы авторитарным или менее авторитарным оно ни было. Это вопрос исторический или национальный, если говорить, к примеру, о ближневосточных странах. В них американская модель демократии не имеет никакой почвы для существования.

– Но даже в сытом и спокойном Лондоне были волнения...

– Да, это происходит и в Европе, и в Америке. Это больше относится к определенной категории граждан. Если взять выступления молодежи, скажем, в Париже, то это просто хулиганство. Я думаю, что это раздутая, политизированная, вышедшая за рамки, демонстрация неимущих и не ждущих ничего от действительности.

– Вы принимали участие в лондонском концерте, посвященном 80-летию Горбачева. Это была дань уважения политику, который, между прочим, критикует современное

руководство России?

– Это человек, которого я знаю. Отчасти я уважаю его, но большей частью не поддерживаю то, что случилось благодаря его политике. Я видел, насколько это было губительно для страны. С другой стороны, понимаю, что, может быть, не было другой возможности. Но политик – это не обычный человек, он должен искать и находить решения, сохраняющие государственность и государство. После развала страны было разбазарено все. Я говорю не только о своих впечатлениях, но знаю ситуацию и со слов моего отца, который видел, как это происходило, когда он работал на производстве. Я склонен доверять больше фактам, чем политическим лозунгам. Я вижу, с каким уважением относятся к Горбачеву на Западе, и вижу, как в родной стране он стал притчей во языцех, как костерят его простые люди, потерявшие все, даже те небольшие сбережения, которые они сделали при советской власти.

– Люди получили еще и свободу. Что лучше: сбережения или свобода?

– Свобода, конечно. Это главная цель, и она была получена.

– Ваши коллеги говорят, что в провинции упал уровень культуры. Тем не менее на ваших концертах – аншлаги. В этом заслуга ваших продюсеров? Ваш репертуар в Казани или Новосибирске будет отличаться от того, что вы исполняете в Японии?

– Нет, я все также продолжаю навязывать классическую музыку. Иначе не назовешь. Особых реверансов я не делаю, понимаю, что люди не смогут два часа слушать Листа. Иногда иду на компромиссный вариант, и кроме классической музыки пою и популярную. Часто принимающая сторона просит исполнить военные песни. Так получилось, что у простых людей я ассоциируюсь с этими песнями.

– У эстрадных певцов есть такое понятие – «формат». Есть ли оно у оперных певцов?

– У нас все перемешано. Я выступаю по стране и общаюсь с теми людьми, которые делали гастролы Deep Purple, Джо Кокера. У этих певцов свой формат, у меня – свой. Это – классика.

– У нас в России до сих пор есть убеждение, что, дескать, только на Западе все самое лучшее. Вы побывали во многих странах, можете сравнивать. Западные певцы или музыканты лучше наших?

– Первые скрипки во многих оркестрах, даже в таком, как Лондонский филармонический, – русские евреи. Костяк труппы цирка Дю Солей тоже русские.

– А если говорить о музыкальных школах?

– Трудно судить об этом: где-то лучше, где-то нет. Я слышал, как играют западные оркестры – прекрасный качественный звук, комфортно, но нет конфликта, страданий, глубины. Не от того, что их не чувствует дирижер или музыканты. Спросите у Гергиева или Темирканова, что это может значить. Мне кажется, у них нет этого в генах. Это страны непуганых людей: они столетиями живут, не зная, что такое война, разруха и что такое любить человека. Настоящее искусство – это такое, которое было в блокадном Ленинграде, где люди ходили на филармонические концерты, через боль, голод, потери близких. Они видели в музыке избавление от страданий, как в религии. В девяностые годы, когда была разруха, люди тоже приходили на концерты классической музыки, как на религиозное действо.

– Если, например, по Невскому проспекту пойдет Елена Образцова, то ее узнают, наверное, человек пять. Если вы, то, не ошибусь, десятки, если не сотни. Известность в России вам не мешает? В Лондоне вас воспринимают по-другому?

– В Лондоне очень комфортно жить, даже если тебя узнают, это не напрягает. В России тоже бывает, что не напрягает, но в основном стараюсь по улицам не ходить. Езжу на машине.

– Тоска по России бывает?

– У меня больше тоска по Лондону. В России я бываю чаще, чем там.

– Русский тоскует по Лондону?!

– Я тоскую по своим родным, семье, дому, в котором живу и который очень люблю.

– Правда, что не общаетесь ни с кем из русской диаспоры?

– Ни с кем. Я вообще не тусуюсь. У меня есть жена, четверо детей. Мне бы для них найти время. Его всегда не хватает.

– Как вы отнеслись к тому, что «желтая пресса» полоскала ваше имя после вашего развода с первой женой?

– Я разводился по английским законам из боязни попасть в прессу. Идиот! Надо было по русским, но я поступил так, и считаю, что сделал правильно.

– Не оскорбило, что писали, дескать, вы пожадничали на алименты?

– Я не читал. Честно говоря, упрекнуть меня никто не может. Потому что моя бывшая жена получает столько, что если вы услышите сколько, то вам станет плохо.

– У вас был неожиданный для многих проект с Игорем Крутым. Он показался вам интересным?

– Мне было интересно попробовать новый жанр, спеть музыку, написанную специально для меня, – Крутой написал 24 песни. Материал обсуждался и делался на моих глазах. Это была увлекательная работа, которая захватила меня полностью в течение трех лет, и ее я сделал с большим удовольствием.

– Выступления ваших коллег с эстрадными певцами вошли в моду. Может, в этом причина, что вы согласились на проект Крутого?

– Я поступил так не потому, что это модно, а потому, что так должно делать. Я знаю, что есть такой жанр кроссовер. А вы знаете, кто его основоположники? Энрике Карузо, Марио Ланца, Федор Шаляпин. Великий оперный певец Шаляпин пел кафешантанные мелодии. Например, «Очи черные». По тем временам это настоящий кроссовер. Так что все новое – это хорошо забытое старое.

– А с Шевчуком спели бы?

– Нет. Думаю, что у нас абсолютно нет никаких жанровых преломлений. Хотя я его уважаю.

– Среди ваших друзей – Вячеслав Фетисов и Павел Астахов. Как получилось, что у музыканта друзья такие разные люди – спортсмен, юрист?

– Причем тут спортсмен и юрист? Так получилось, что мы встретились и познакомились. С Фетисовым я познакомился давно, еще когда жил в Нью-Йорке. Я часто бывал в «Русском самоваре» (ресторан в Нью-Йорке, считающийся одним из центров русскоязычной культуры в США. – «НИ»), там мы и познакомились.

– А с музыкантами дружите?

– Из друзей могу назвать Юрия Темирканова. Я очень уважаю и люблю его, и моя жена, и дети тоже его любят. У нас трогательные отношения, и я дорожу ими. Для того чтобы дружить с человеком, не обязательно тусоваться каждый день. У меня друзей очень мало. Есть люди, к которым я отношусь с пиететом. У нашей семьи есть подруга – американка, вдова одного из богатейших людей на планете. Наши отношения очень трогательные и удивительные. Мы счастливы, что встретили такого человека. Настоящая дружба, как дар свыше. Такая дружба не может случаться часто, если такое бывает, то один раз на миллион людей. Нашей семье и мне повезло, что такие люди окружают нас.

– Вам часто приходится общаться с богатыми меценатами?

– Конечно, я встречаюсь с подобными людьми, которые помогают в проведении концертов или спектаклей. Это некий род моей деятельности.

– Как вы думаете: они помогают искусству, потому что это престижно, или это просто удачное вложение денег?

– На Западе существуют налоговые послабления для тех, кто помогает культуре. В Америке все искусство поддерживается частным капиталом, а не государством. Они предпочитают помогать не только потому, что богатые, но еще и потому, что честолюбивые. Например, новый дворец культуры называют именем человека, который дал больше всех денег на него. Именами тех, кто дал поменьше, называют залы, фойе, сиденья, туалеты...

– Про туалеты – шутка?

– (Смеется.) Все в зависимости от той суммы, которая была вложена.